

Русская литература в философской оптике В.В. Бибихина

Александр Логинов, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Москва), loginovav@mail.ru

В статье рассматривается специфика восприятия русской литературы в творчестве В.В. Бибихина. В своей оригинальной философии В.В. Бибихин нередко обращался к русской литературной традиции, которая для него почти так же значима, как западноевропейская или древнегреческая философская мысль. Русская классическая литература была для него носителем универсальных смыслов, а не локальной национальной традицией. В то же время именно здесь наиболее остро был поставлен вопрос о России и ее положении в мире.

Ключевые слова: метафизика, русская литература, философия литературы, национальное самосознание, дневник, понимание

Для цитирования: Логинов А.В. Русская литература в философской оптике В.В. Бибихина // Метаморфозис. 2025. Т. 9. № 3. С. 44-53.

Дата поступления: 01.02.2025.

Философия и литература

Строго говоря, в философии В.В. Бибихина не было места для обсуждения русской литературы как отдельного явления, также его мало интересовала и русская философия в отрыве от мировой философской традиции. Но тема России и «нашего положения в мире» стала для него одной из ключевых. Это видно и по дневниковым записям 1970-1980-х годов, и по статьям эпохи Перестройки, и по выступлениям и лекциям 1990-х – начала 2000-х годов. Для Бибихина нет принципиальной разницы между философией и литературой, поскольку и там, и там можно найти живую свободную мысль, не подчиняющуюся каким-либо формальным правилам и придуманным регламентам. Философу претит попытка превратить философию и литературу в России в подобие идеологии или предметы особого поклонения и гордости, своеобразные особо ценные музейные экспонаты. Именно о таких попытках Бибихин иронично замечает: «Мало, оказывается, думать о России, надо озира́ться и получать подтверждение в достаточной русскости и православии моей мысли. После проверки мне выдадут удостоверение.

Автор рисунка – Анастасия Сухарева²

Получив его, я могу уже не думать ни о чем. Настоящая мысль никогда не просила себе разрешения и не будет его добиваться»¹. Тем не менее, обращение к русской литературной классике достаточно значимо для его оригинальной мысли. В частности, он интерпретирует идеи и образы А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. Например, он обращается к наследию А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя для рассмотрения особенностей ритмов и смысла русской истории в курсе «Философия права». Здесь он вспоминает образ ревизора Гоголя, который только и может отстраненно оценить всю ту неправду, в которой живут люди, все то настроение, которое свойственно русской жизни.

В наследии Бибихина есть несколько ярких статей, посвященных таким литераторам и философам, как К.Н. Леонтьев и В.В. Розанов. Наибольшее количество этих текстов собрано в книге «Другое начало», в которой можно увидеть сквозную тему поиска истоков русской истории и попытку найти новое начало этой истории, которое напрямую связано с лучшим прояснением этих истоков.

О «Великом инквизиторе»

Бибихин не так часто обращается к творчеству Достоевского в своих текстах, представляется даже, что Толстой ему гораздо ближе. Исключение представляет яркое и глубокое выступление Бибихина 1993 года в Париже на конференции, посвященной творчеству Достоевского. Темой выступления стала «Легенда о Великом инквизиторе» Достоевского в сравнении с «Краткой повестью об антихристе» В.С. Соловьева. Эта работа демонстрирует глубокое проникновение в суть творческого процесса гениального русского пи-

¹ Бибихин В.В. Другое начало СПб: Наука, 2017. С. 185.

² На изображении – книга с названием статьи внутри преломляющейся рамы, что символизирует представление литературы в многогранной философской оптике. Все это отражает восприятие русской литературы как универсального носителя смыслов, выходящего за рамки национальной традиции; простота и лаконичность иллюстрации перекликаются с бибихинской идеей «разоружения разума перед тайной вещей» – простотой как пути к пониманию.

сателя. Библихин отмечает визионерский или даже пророческий характер его творчества, замечает, что жить и писать для Достоевского – явления однопорядковые, говорит о принципиальной отличности полифонических романов Достоевского от диалогизма. Можно сделать вывод, что в романном пространстве писателя у каждого героя есть свой голос, внешне общение персонажей напоминает диалоги, но только герои часто понимают все по-своему или как бы не слышат друг друга. По словам М.М. Бахтина, полифоничность романов Достоевского выражается в том, что в отличие от классического европейского романа «... множественность голосов не должна быть снята, а должна восторжествовать в его романе»³. Библихин подмечает следующую закономерность: чем более важная и страшная идея является нам, тем более странный персонаж ее подчас высказывает. Таким в высшей мере странным персонажем предстает и Великий инквизитор, который не соотносится ни с какой исторической реальностью, но в то же время удивительно реален на страницах романа «Братья Карамазовы». Как отмечает Библихин, Великий инквизитор «не католик, не социалист, не иезуит. Бесполезно спрашивать, в каких архивах Испании надо искать сведения о нем. Равным образом нет смысла считать его замаскированным православным»⁴. Место инквизитора у Достоевского и антихриста у Соловьева, согласно Библихину, парадоксально. Они появляются не случайно, в эпоху, когда Бог в сознании людей стал только человеческой конструкцией, в то время как «всякая человеческая конструкция подозрительна», ненадежна. В этом мире «Бог становится лишним. Человек без него – тоже». У Соловьева аналогично этому «антихрист действует как катализатор исхода – единственная фигура, возвращающая миру измерение, способное извлечь его из забытости Богом»⁵. Библихин подчеркивает эсхатологическую амбивалентность этих фигур, выступая как противники Бога, они одновременно позволяют людям проснуться от увлеченности своими человеческими проектами. В некотором смысле в этих образах Соловьев и Достоевский борются и сами с собой. «... Соловьев в своем антихристе чистит сам себя от своих активистских и организационных побуждений подобно тому, как Достоевский разбирал себя в своем образе инквизитора»⁶. Воля к истине, смелость в постановке вопросов могут привести к тому, что человечество уже не будет забыто Богом, история оживет в ее эсхатологическом измерении. Завершает свой доклад Библихин словами, которые он, безусловно, относит и к своему философствованию: «Показав свои видения, Достоевский и Соловьев завещали нам свое мужество видеть и говорить, исследовать пространство нашего существования».⁷

³ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: «Next», 1994.

⁴ Библихин В.В. Указ. соч. С. 127.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Там же. С. 130.

⁷ Библихин В.В. Указ. соч. С. 130.

Герменевтика дневников Л.Н. Толстого

Особое внимание Биbihин уделял творчеству Толстого. Дневникам Толстого был посвящен отдельный лекционный курс Биbihина, который впоследствии был издан отдельной книгой. О.А. Седакова в содержательной статье-комментарии к данному курсу и книге, отмечает, что была удивлена, когда узнала, что отдельный курс лекций будет посвящен именно дневникам Толстого, а не его художественной литературе⁸. Дневники – достаточно своеобразный источник. Здесь Толстой совсем не стремится быть писателем, он ставит совершенно другие задачи. Дневники Толстого можно поставить в один ряд с его знаменитой «Исповедью», которая, по мнению биографа и знатока творчества П.В. Басинского, написана «пронзительно честно, искренне, на разрыв души», но при этом ничего общего с изящной словесностью⁹. Дневники, которые Толстой почти непрерывно вел в течение десятилетий, были своего рода духовными упражнениями, постоянным вниманием к своей внутренней жизни, фиксацией своих внутренних состояний. Биbihин, читая Толстого, стремится пройти иными, нехоженными путями в понимании русского классика. Для него важна не литература, а «весть», которую можно услышать в его дневниках. Свою задачу он характеризует таким образом: «Наша цель не портрет. Но и не вживание, вчувствование. Мы вглядываемся в человека как в весть, к нам сейчас обращенную и содержащую в себе ту тайну, участие в которой нам сейчас крайне нужно для нашего спасения»¹⁰. Откуда приходит эта весть? Что означает для него «наше спасение»? На эти вопросы не так легко ответить... Речь идет, скорее всего, о спасении не в строго религиозном смысле, а скорее в том, в котором М. Шелер называл метафизическое знание «знанием ради спасения». Биbihин так характеризует дневники и записные книжки Толстого: «это вспышки озарений, и как человек, чтобы что-то быстро записать хватает карандаш, гвоздь, так Толстой первые подвернувшиеся слова. Понятийный разбор этих записей даст нуль, единственный шанс – увидеть искру, всегда одну, которая ему осветила путь и тут же погасла»¹¹. Представляется, что автор курса о Толстом обладал этими знанием непосредственно, этот опыт был характерен и для самого Биbihина, который тоже долгое время вел дневниковые записи и заметки. Для Биbihина Толстой был своеобразным метафизиком. Это проявлялось и в литературном творчестве, и в публицистике, а еще в большей степени – в его дневниках. Толстой занят

⁸ Седакова О.А. Весть Льва Толстого // Сайт Международного клуба православных литераторов «Омилия». 14 апреля 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://omiliya.org/article/vest-lva-tolstogo-olga-sedakova.html?ysclid=m6rk7niaf9121135049> (дата обращения: 10.02.2025).

⁹ Басинский П.В. Лев Толстой М: Молодая гвардия, 2021, С. 146.

¹⁰ Биbihин В.В. Дневники Толстого. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023. С. 205.

¹¹ Там же. С. 28.

непрерывным различением во всем происходящем жизни и смерти, гибели и спасения, верха и низа, везде ему нужно зафиксировать внутренний духовный рост или, напротив, падение. Для него это стало особой задачей, никому он не готов передать ее, ни на кого не может ее возложить. Было бы очень легко представить этот процесс как непрерывное восхождение к совершенству, победу над своими грехами, обретение сокровенного знания и права на учительство. Надо сказать, что сам Толстой и особенно толстовцы давали повод для подобных интерпретаций. Бибихин же представлял ситуацию совершенно иным образом. Толстой пытается постоянно удерживать расстояние между неким «смотрителем» (здесь Бибихин вспоминает изначальные значения слова «теория»: смотр, посольство) и своей жизнью. Метафизика и этика здесь граничат друг с другом. Толстой не стремится, подобно позитивистской науке, ограничить изучение природы и человека каким-либо отдельным аспектом, каждое его моральное суждение или отрицание «полагает мир в целом». В итоге Толстой, согласно Бибихину, вырабатывает особое искусство «навидения», принятия мира, преодолевая ненависть, которая коренится в узком эгоистичном «я» человека. Это позволяет выйти за пределы обычной человеческой «метрики», за пределы любых человеческих «расписаний». Бибихин соотносит мысль Толстого с философской традицией, сопоставляя его не только с Лейбницем, Кантом и Шопенгауэром, но даже с Дильтеем, Гуссерлем и Витгенштейном. Еще одним важным аспектом для Толстого было обращение к традициям христианской аскетики. Это может показаться странным, учитывая специфику широко известного конфликта русского писателя с Православной церковью, но речь идет скорее о подлинном, изначальном христианстве, а не Церкви как институте, включенном в социальные и политические процессы. Бибихин, кажется, здесь почти полностью на стороне Толстого: «От христианства как истинной религии православие, Толстой прав, дальше, чем та религия, которая была до него. Тексты, на которых стоит православие, остаются в нем как бомбы замедленного действия и делают свое дело. Они были закопаны переводом, но и через него проросли. Толстой реформатор-восстановитель, как Лютер, христианства против православной языческой религиозности»¹². Представляется, что Бибихин не поддерживал многие начинания Толстого, связанные с ревизией церковного учения, но сами внутренние мотивы деятельности русского писателя были ему очень близки.

Обращение к русской литературе – это в то же время обращение к вопросу о России, который чрезвычайно важен для Бибихина. В статье «Наше положение» он писал: «Кто мы – слишком большой вопрос, к которому трудно даже подойти (...) за человеком у нас мало признается право на частное, по своему человеческому разуму обустройство на земле. Причи-

¹² Бибихин В.В. Дневники Толстого. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023. С. 26.

на запрета, похоже, не столько в недоразвитии чувства личности или в недостатке достоинства, сколько, если хотите, в мудром знании, что никакое самоустройство человека на земле все равно по-настоящему не устроит»¹³. Русская особость, согласно Биbihину, проявилась у Толстого и в его отношении к собственности, и в его личных установках, и в том, как он воспринимал это отношение у крестьян. Парадоксально, по его мнению, что «крепостной был в важном смысле свободнее помещика, потому, что благодаря царю владел всей землей через голову помещика, а помещик по своему определению только частью»¹⁴. В таком случае, этим людям принадлежала не какая то часть, а весь мир целиком, Россия не вписывается в какую-либо устойчивую метрику. Биbihин мимоходом характеризует свое понимание, насколько эта тема представлена у русских классиков: «Нам понадобится понять отношение Толстого к России. Ни у славянофилов, ни у западников, только у Пушкина, у Гоголя, гораздо уже смутнее у Достоевского и сбивчиво у Розанова, такое же знание самостоятельности России и того, что она не вписывается в метрику времени»¹⁵. Толстой очень ярко в своем творчестве, особенно в позднем, выразил это исконно русское нигилистическое отношение к культуре, комфорту, быту, собственности. Все это отвергается как неподлинное, вторичное, далекое от истинной жизни, от той правды, которой живет русский народ. Толстой был искателем и выразителем той народной метафизики, о которой пишет здесь Биbihин. Схожие мысли часто встречаются в записных книжках Биbihина: «Немцы пишут в основном от благодатного (...) сознания и благодарного сознания, русские мыслители в основном – от покаянного и исповедального»¹⁶.

В.В. Биbihин о «голосе Розанова»

Розанов был одним из самых ярких литераторов Серебряного века, нередко его рассматривали именно как писателя, яркого стилиста, автора пронизательных, часто язвительных критических статей, проникновенных дневниковых записей и афоризмов, а не как философа в полном смысле этого слова. С другой стороны, по словам современного биографа А.Н. Варламова, «нет в русской литературе другого писателя, который вызывал бы столько неприязни и раздражения у самых разных людей (...) И при жизни, и после смерти»¹⁷. Парадоксальность личности Розанова лучше всего отражена в статье Биbihина «Голос Розанова». Биbihин не отрицает литературных талантов Розанова, его противоречивость, парадоксальность и даже

¹³ Биbihин В.В. Другое начало. С. 224

¹⁴ Биbihин В.В. Дневники Толстого. С. 111.

¹⁵ Там же. С. 111.

¹⁶ Биbihин В.В. Отдельные записи. СПб: Изд-во «Владимир Даль», 2022. С. 410.

¹⁷ Варламов А.Н. Розанов М.: Молодая гвардия, 2022. С. 5.

скандальность как публициста, но считает главным не это, а его глубокую и оригинальную метафизику, с его уникальными интонациями, собственным «голосом», который звучит практически во всем его творчестве. Бибихин, в частности, цитирует высказывание З.Н. Гиппиус, которая определяет Розанова как «редчайшее явление в литературе». Для Бибихина особое место в наследии Розанова занимает, прежде всего, его ранняя книга «О понимании», которая была многими не замечена или же воспринималась как многословный схоластический трактат. Как отмечает А.И. Резниченко, эту книгу Розанова до сих пор по-разному интерпретируют. Автора воспринимают то как гегельянца, то сравнивают, например, с Дильтеем, его современником, а Бибихин же трактует его почти как предшественника самого Хайдеггера. У Бибихина непосредственно эту точку зрения невозможно вычитать, но такие параллели напрашиваются, если опираться на интерпретацию Бибихина метафизики Розанова. Резниченко обращает внимание на тот факт, что сам Розанов вдохновлялся идеями «Метафизики» Аристотеля и стремился мыслить в русле ее идей. Именно в этой книге Розанов произносит самое важное, самое существенное для него как для писателя и мыслителя. Здесь речь идет о захваченности человека бытием, которая ведет его, определяет его понимание мира, о том состоянии, которое Бибихин находит и у Хайдеггера, и у Толстого. Это первичное удивление, с которого только и может начаться метафизика. Понимание, о котором говорится в трактате Розанова и во многих других его произведениях, – это «опасное задумчивое внимание, которым он не владел, которое владело им»¹⁸. Понимание начинается с «разоружения разума перед тайной вещей». Подлинная наука и подлинная философия живут этим пониманием, деградируют и исчезают, если это понимание потеряно и утрачено. Бибихин много пишет о непонятости Розанова современниками и потомками, в 90-е годы начала переиздаваться его публицистика, и многие идеологические партии постарались записать его в «свой», надо сказать, что сами тексты русского мыслителя давали для этого некоторые основания. Суть наследия Розанова все же не в этом. Его следовало бы прочесть в свете тех интуиций, которые заложены в книге «О Понимании», которая дает своеобразный «алфавит», задает определенные установки его творчеству. Розановская наука понимания глубже, «она не имеет отношения ни к национально русскому, ни к философии жизни, ни к распусканию личности, ни к домострою, ни к человеку вообще»¹⁹. Можно тогда задаться вопросом: к чему же нам такое понимание? Видимо, оно нам для того нужно, чтобы увидеть все в другом свете, в том числе и «наше место в мире», как это назвал Бибихин, ведь «меру его понимания нас, его гибкости вживания в извилины, лабиринты этой нашей, на восточноевропейской

¹⁸ Бибихин В.В. Другое начало. С. 119.

¹⁹ Там же. С. 220.

равнине, реальности мы всегда недооцениваем»²⁰. Возможно, в этом ракурсе по-другому можно увидеть наши историю и литературу с их разрывами и катастрофами, а также часто трудноуловимой внутренней преемственностью. Представляется, что слова Биbihина из «Отдельных записей» вполне можно отнести к творчеству Розанова. Русский человек, говорит Биbihин в записях еще 1970-х годов, есть «чуткое и емкое вместилище духовных ветров. Теперешнее уродство только подчеркивает его вызов разным духам, обличение их в неистинности. Все вы таковы, как бы говорит русский, скоморошествуя и юродствуя в самой глупой занятости духами и в самом нелепом духовном состоянии. Он как бы утрирует ложь всяких других занятий и состояний. Это его способ поддержать чистоту духовности: пусть она не будет замарана расчетом»²¹.

Литература

- Басинский П.В.* Лев Толстой. М: Молодая гвардия, 2021.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Киев: «Next», 1994.
- Биbihин В.В.* Язык философии. М: Издательская группа «Прогресс», 1993.
- Биbihин В.В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.
- Биbihин В.В.* Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012.
- Биbihин В.В.* Философия права. М., 2013.
- Биbihин В.В.* Другое начало. СПб.: Наука, 2017.
- Биbihин В.В.* Отдельные записи. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2022.
- Биbihин В.В.* Дневники Толстого. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023.
- Варламов А.Н.* Розанов. М: Молодая гвардия, 2022.
- Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М: Республика, 1995.
- Паперно И.* «Кто, что я?» Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Резниченко А.И.* Что значит «понимать»? Часть первая. Василий Васильевич Розанов о понимании // Вестник РГГУ Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. №1.
- Розанов В.В.* Несовместимые контрасты жития. М: Искусство, 1990.
- Седакова О.А.* Весть Толстого // Омилия. Международный литературный клуб [Электронный ресурс]. URL: <https://omiliya.org/article/vest-lva-tolstogo-olga-sedakova.html?ysclid=m6rk7niaf9121135049> (дата обращения: 10.02.2025).
- Хоружий С.С.* О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000.

²⁰ Биbihин В.В. Другое начало. С. 221.

²¹ Биbihин В.В. Отдельные записи СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2022.

Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.

Шкловский В. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963.

References

Basinskij P.V. *Lev Tolstoj* [Leo Tolstoy]. Moscow: Molodaja gvardija Publ., 2021 (in Russian).

Bahtin M.M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Kiev: "Next" Publ., 1994 (in Russian).

Bibihin V.V. *Jazyk filosofii* [The Language of Philosophy]. Moscow: Izdatel'skaja gruppa "Progress" Publ., 1993 (in Russian).

Bibihin V.V. *Aleksej Fedorovich Losev. Sergej Sergeevich Averincev* [Aleksey Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averincev]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2004 (in Russian).

Bibihin V.V. *Sobstvennost'. Filosofija svoego* [Ownership. Philosophy of the Own]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2012 (in Russian).

Bibihin V.V. *Filosofija prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 2013 (in Russian).

Bibihin V.V. *Drugoe nachalo* [The Other Beginning]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2017 (in Russian).

Bibihin V.V. *Otdel'nye zapisi* [Separate Notes]. Saint Petersburg: Izd-vo "Vladimir Dal'" Publ., 2022 (in Russian).

Bibihin V.V. *Dnevnik Tolstogo* [Tolstoy's Diaries]. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha Publ., 2023 (in Russian).

Varlamov A.N. *Rozanov* [Rozanov] Moscow: Molodaja gvardija Publ., 2022 (in Russian).

Merezhkovskij D.S. *L. Tolstoj i Dostoevskij. Vechnye sputniki* [L. Tolstoy and F. Dostoevsky. Eternal Companions]. Moscow: Respublika Publ., 1995 (in Russian).

Paperno I. "Kto, chto ja?" *Tolstoj v svoih dnevnikah, pis'mah, vospominanijah, traktatah* ["Who, what am I?" Tolstoy in his diaries, letters, memoirs, and treatises]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018 (in Russian).

Reznichenko A.I. Chto znachit "ponimat"? Chast' pervaja. Vasilij Vasil'evich Rozanov o ponimanii [What does it mean to understand? Part One. Vasily Vasilyevich Rozanov on understanding] // *Vestnik RGGU: Serija "Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie"*. 2023. N. 1 (in Russian).

Rozanov V.V. *Nesovmestimye kontrasty zhitija* [The Incompatible Contrasts of Living]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1990 (in Russian).

Sedakova O.A. Vest' Tolstogo [Tolstoy's message]. *Omiliya. Mezhdunarodnyj literaturnyj klub* [Electronic Resource]. URL: <https://omiliya.org/article/vest->

lva-tolstogo-olga-sedakova.html?ysclid=m6rk7niaf9121135049 (date of access: 10.02.2025).

Horuzhij S.S. *O starom i novom* [Of Old and New]. Saint Petersburg: Aletejja Publ., 2000 (in Russian).

Horuzhij S.S. *Fonar' Diogena. Kriticheskaja retrospektiva evropejskoj antropologii* [Diogenes' Lantern. A critical retrospective of European anthropology]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2010 (in Russian).

Shklovskij V. *Lev Tolstoj* [Leo Tolstoy]. Moscow: Molodaja gvardija Publ., 1963 (in Russian).

Russian literature in Philosophical Optics by V.V. Bibikhin

Alexander Loginov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow), Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), loginovav@mail.ru

The article examines the specifics of the perception of Russian literature in the works of V.V. Bibikhin. In his original philosophy, V.V. Bibikhin often turned to the Russian literary tradition, which in his opinion is almost as significant as Western European or ancient Greek philosophical thought. For him, Russian classical literature was a carrier of universal meanings, not a local national tradition. At the same time, it was here that the question of Russia and its position in the world was most acutely raised.

Keywords: metaphysics, Russian literature, philosophy of literature, national identity, diary, understanding

For citation: Loginov A.V. (2025) Russian literature in Philosophical Optics by V.V. Bibikhin // *Metamorphosis*. Vol. 9. N. 3. P. 44-53.

Date of receipt: 01.02.2025.